

RU

Атмосфера праздника: философский анализ коллективных эмоций в городской среде

Береснев В. Д.

Аннотация. Цель исследования – разработка теоретической модели праздничной атмосферы как интегрального качества коллективного переживания, возникающего в городской среде. В статье рассматриваются классические концепции ритуала (Э. Дюркгейм, В. Тернер), феноменологические теории пространства (А. Лефевр) и современные подходы к аффекту (С. Ахмед, Б. Массуми, Л. Берлант); на их основе предлагается понятие праздничной атмосферы и анализируются аффективные профили государственных праздников современной России. Научная новизна исследования состоит в концептуализации праздничной атмосферы как интегрального эффекта взаимодействия структурных элементов праздника. Показано, что атмосфера не сводится к совокупности индивидуальных эмоций и представляет собой форму коллективного переживания, возникающую в результате согласованной работы праздничного нарратива, ритуальных практик и городской среды. В результате выявлены различные типы аффективной организации государственных праздников современной России и обоснована возможность использования понятия праздничной атмосферы в качестве диагностического критерия эффективности праздничной коммуникации.

EN

The festive atmosphere: a philosophical analysis of collective emotions in the urban environment

V. D. Beresnev

Abstract. The purpose of the study is to develop a theoretical model of the festive atmosphere as an integral quality of collective experience emerging in the urban environment. The article examines classical concepts of ritual (Émile Durkheim, Victor Turner), phenomenological theories of space (Henri Lefebvre), and contemporary approaches to affect (Sara Ahmed, Brian Massumi, Lauren Berlant); based on these, the concept of a “festive atmosphere” is proposed, and the affective profiles of state holidays in contemporary Russia are analyzed. The scientific novelty of the study lies in the conceptualization of the festive atmosphere as an integral effect of the interaction among the structural elements of a holiday. It is shown that atmosphere is not reducible to the sum of individual emotions, but represents a form of collective experience arising from the coordinated interplay of the festive narrative, ritual practices, and the urban environment. As a result, various types of affective organization of state holidays in contemporary Russia are identified, and the viability of using the concept of a festive atmosphere as a diagnostic criterion for the effectiveness of festive communication is substantiated.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью философского осмысления праздника как механизма производства коллективных эмоций в современной городской среде. Несмотря на значительное количество работ, посвященных праздничной культуре, в них преобладают конкретно-научные (культурологические, этнографические, социологические) подходы, тогда как универсальные механизмы возникновения коллективных переживаний остаются недостаточно концептуализированными. Проблема заключается в отсутствии операционного понятия, которое позволяло бы описывать интегральное качество праздничного опыта, несводимое к сумме индивидуальных эмоций.

Философский анализ праздника предполагает обращение к его сущностным характеристикам: отношению сакрального и профанного, темпоральной структуре коллективного опыта, способам конструирования общности через символические и аффективные практики. В отличие от конкретно-научных подходов, философская оптика позволяет выявить универсальные механизмы производства коллективных эмоций.

Современный город все более отчетливо предстает как пространство, в котором формируются, распределяются и закрепляются коллективные эмоции. Плотность социальных взаимодействий, насыщенность символической среды и высокая степень медиализации превращают городскую среду в особый аффективный контекст, где переживания приобретают коллективный характер и становятся частью социального опыта. Праздничные практики в этом контексте занимают особое место. Они включают ритуальные действия, символические формы и специфические пространственно-временные конфигурации, которые делают их одним из ключевых механизмов организации коллективных чувств. Праздник оказывается не только социальной традицией или элементом культурного календаря, но и особой аффективной системой, в которой эмоции выражаются, генерируются, концентрируются и закрепляются. Городская среда при этом действует как аффективный резонатор, усиливающий эмоциональную динамику праздника и структурирующий переживания участников.

Для достижения цели исследования в статье решаются следующие задачи:

- проанализировать философские концепции коллективных эмоций и ритуала;
- обосновать понятие праздничной атмосферы и его связь с трехуровневой моделью праздника;
- выявить особенности аффективной организации государственных праздников современной России.

В работе применяются методы философско-культурологического анализа, сравнительной интерпретации теорий ритуала, пространства и аффекта, а также авторская трехуровневая модель праздника, включающая нарративный, ритуальный и пространственно-временной уровни. В рамках настоящего исследования эта модель используется для анализа механизмов формирования праздничной атмосферы как особой формы коллективного переживания.

Теоретическую базу составляют классические концепции ритуала и коллективного опыта (Дюркгейм, 2018; Тернер, 1983; Гирц, 2004), феноменологические и постструктуралистские теории пространства и аффекта (Лефевр, 2015; Массуми, 2017; Ahmed, 2014; Berlant, 2011), а также работы отечественных исследователей праздничной культуры по трансформации праздничных форм в контексте изменения типов мышления (Ванченко, 2008). Их сочетание позволяет рассматривать праздник как сложный многослойный механизм, соединяющий символические структуры, телесные практики и городскую инфраструктуру.

Эмпирическую базу составили наблюдения современных городских праздничных практик, анализ их нарративного сопровождения (указы, сценарии мероприятий, медиаосвещение), а также визуальный анализ оформления городского пространства в дни государственных праздников.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов для диагностики эффективности городских праздничных событий, а также для проектирования праздничных практик с заданными аффективными характеристиками. Материалы работы также применимы в учебных курсах по философии культуры, урбанистике и социальной антропологии.

Обсуждение и результаты

1. Теоретические основания исследования коллективных эмоций в праздничной культуре

Праздник может быть рассмотрен как один из наиболее устойчивых и универсальных механизмов формирования и организации коллективных переживаний. Его функция не ограничивается воспроизводством традиций или поддержанием календарного цикла: в рамках праздничной системы генерируются, концентрируются и перераспределяются эмоции, которые приобретают социальную форму и становятся ресурсом коллективной общности. В классической социологической и антропологической традиции это свойство праздника связывается с феноменом коллективного переживания. Э. Дюркгейм (2018) описывал его через понятие *collective effervescence* – «коллективного возбуждения», состояния эмоционального подъема, возникающего в результате совместного действия и приводящего к переживанию группового единства участников. Для Дюркгейма такое возбуждение является источником специфической социальной энергии, позволяющей членам группы переживать собственную общность как трансцендентную и эмоционально насыщенную реальность. Праздник, по Дюркгейму, – это момент, когда коллектив «собирает себя» посредством переживания своей силы.

Эта идея получает развитие в работах В. Тернера (1983, с. 201–264), который вводит для описания переходного характера праздничного опыта понятия *лиминальности* и *communitas*. Праздник временно выводит участников за пределы обыденности, создавая состояние перехода, в котором социальные различия утрачивают значимость. В атмосфере лиминальности порождается *communitas* – эмоционально насыщенная, временная и интенсивная форма социальной общности, основанная на непосредственном переживании сопричастности.

К. Гирц (2004) акцентирует символическое измерение этих процессов и рассматривает ритуал (и, в более широком смысле, праздник) как «модель мира» и «модель для мира». Праздничные действия, символы, образы и нарративы репрезентируют культурный порядок и одновременно формируют его через эмоционально структурированный опыт. Эмоции здесь выступают как культурно организованные формы восприятия, закрепляющие схемы восприятия интерпретации мира.

В исследованиях времени праздника важным оказывается подход М. Элиаде (1994), связывающего праздничное переживание с опытом сакрального времени. Возвращение к «истоку» и повторение значимого события формируют особый тип темпоральности, в котором коллективные эмоции получают устойчивую рамку и воспроизводимость. А. Лефевр дополняет эту картину, обращая внимание на пространственную организацию праздника. Согласно Лефевру (2015, с. 87–95), пространство не является пассивным «контейнером» для события, а активно производится социальными практиками. Городская среда – площади, улицы, архитектурные

доминанты – не просто вмещает праздник, а становится его активным соучастником, задавая траектории движения, зоны концентрации эмоций и визуальные образы, которые закрепляют коллективное переживание.

Б. Андерсен (2001, с. 30–35), в свою очередь, показывает, что любые крупные сообщества являются «воображаемыми»: они скрепляются не только непосредственными контактами, но и общими символами, нарративами и ритуалами, порождающими чувство сопричастности у тех, кто никогда не встретится лицом к лицу. Праздник в этом случае выступает как один из механизмов, формирующих воображаемое единство: он создает символическую и эмоциональную связь между участниками, превращая разрозненное множество людей в сообщество переживания.

Фундаментальные теории аффекта дополняют эту перспективу, смещая внимание с символических значений на процессы циркуляции и интенсивности чувств. В работах С. Ахмед (Ahmed, 2014) эмоции рассматриваются как эффекты социального обращения: они «прилипают» к объектам, текстам и коллективным образам, формируя устойчивые эмоциональные конфигурации. Б. Массуми (2017) акцентирует до-дискурсивный характер аффекта как интенсивности, возникающей в динамике телесных взаимодействий. А. Л. Берлант (Berlant, 2011) показывает, как аффективные структуры закрепляются в формах повседневной и политической жизни.

Обобщая эти теоретические позиции, праздник можно рассматривать как систему, в которой символические структуры, телесные практики и пространственные конфигурации совместно производят коллективные переживания. Результатом их согласованной работы и становится праздничная атмосфера – целостное, динамическое качество, которое пронизывает городское пространство и переживается участниками как особая эмоциональная окраска происходящего.

Праздничная атмосфера в этом контексте выполняет несколько функций:

- 1) интегративную – объединяет разрозненные эмоции участников в общий тон переживания;
- 2) диагностическую – ее наличие или отсутствие указывает на успешность праздничной коммуникации;
- 3) ориентирующую – задает модус восприятия события (торжественный, игровой, скорбный, утопический).

Такая оптика позволяет перейти к анализу конкретных праздничных практик, трактуя их как различные конфигурации коллективных переживаний, формирующихся в рамках городской среды. Ниже будут рассмотрены аффективные профили государственных праздников современной России через призму трехуровневой модели.

2. Праздничная атмосфера как результат взаимодействия структурных уровней праздника

Для концептуализации праздничной атмосферы используется трехуровневая модель праздника, разработанная ранее (Береснев, Береснева, 2025). В рамках этой модели праздник рассматривается как сложная система, функционирование которой обеспечивается взаимодействием трех уровней: нарративного (смысловая структура, ценности), ритуального (телесные практики) и пространственно-временного (календарная организация, локализация). В исходной модели эти уровни понимаются как элементы системы, обеспечивающей устойчивость и воспроизводимость праздничной традиции (Рисунок 1). В данном же исследовании акцент смещен на их аффективное измерение, а именно – на то, как их согласованная работа порождает праздничную атмосферу: через нарратив задаются «правильные» чувства, формы сопричастности и способы интерпретации; ритуальный уровень обеспечивает аффективную реализацию символического содержания, переводя смысловые структуры в форму коллективного переживания; на пространственно-временном уровне распределяются зоны концентрации эмоций.

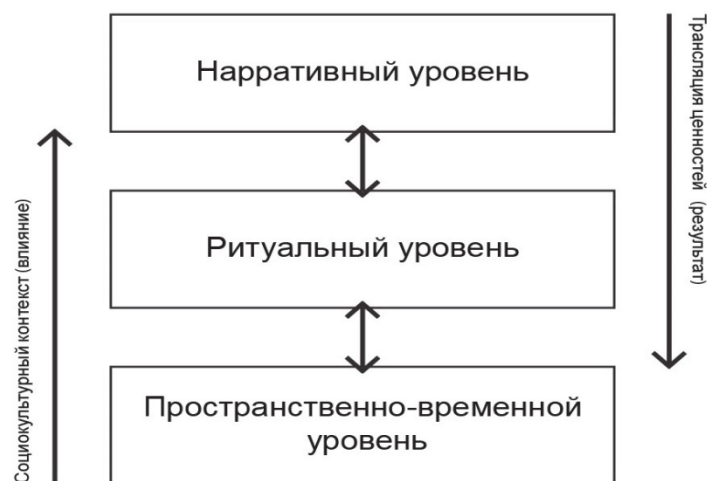

Рисунок 1. Трехуровневая структурно-функциональная модель праздника

Для анализа процессов производства коллективных эмоций мы вводим понятие праздничной атмосферы – целостного, несводимого к сумме отдельных эмоций качества переживания, которое возникает при успешном взаимодействии нарративных, ритуальных и пространственно-временных уровней праздника.

Атмосфера – это эмоционально-телесный фон ситуации, который охватывает участников до рефлексии, пронизывает городскую среду и делает праздник отличимым от будней (торжественность, радость, предвкушение, сакральный трепет или, напротив, формальная пустота).

Понятие атмосферы опирается на феноменологическую традицию, где связывается с дорефлексивным восприятием пространства. В современных теориях аффекта оно сопряжено с идеей «передачи» эмоциональных состояний между телами без дискурсивного опосредования (Brennan, 2004). Как отмечает Т. П. Ванченко, в празднике трансформируется само мышление участников: «сдвиг от традиционных форм коллективного переживания к более фрагментированным индивидуализированным моделям участия» (2008, с. 62) делает анализ атмосферы особенно актуальным, поскольку именно атмосфера фиксирует эту трансформацию на уровне непосредственного опыта. Понятие «атмосферы» используется в эстетике (Беме, 2018), в урбанистических исследованиях (Pallasmaa, 1994).

В онтологическом отношении праздничная атмосфера не принадлежит ни отдельному субъекту, ни объекту городской среды. Она возникает как intersubjective качество праздничной ситуации, формирующееся на пересечении символических структур, телесных практик и пространственно-временной организации события. Атмосфера существует не «внутри» и не «вне» человека, а в пространстве взаимодействия участников праздника, их телесной вовлеченности и культурно заданных способов переживания. Именно поэтому она может восприниматься как объективно присутствующая характеристика события, несмотря на невозможность ее локализации в каком-либо одном элементе праздничной системы.

Для концептуализации праздничной атмосферы необходимо определить ее место среди близких понятий, используемых в философии эмоций, феноменологии и теории аффекта. Поэтому понятие «атмосферы» будет раскрыто через систему оппозиций с родственными понятиями соответствующего семантического гнезда: эмоция, настроение, коллективное представление и аффект.

Понятие атмосферы необходимо отличать от понятия «эмоция». Для эмоции характерно наличие носителя («я радуюсь») и объекта («радуюсь чему-то»). Ее можно назвать, локализовать и измерить по интенсивности. Атмосфера же безлична и диффузна, не принадлежит отдельному человеку, а пронизывает пространство, захватывая тех, кто в него попадает. Можно не разделять официальный нарратив Дня Победы, но, оказавшись на шествии «Бессмертного полка», попасть в атмосферу сакральной скорби и триумфа, потому что атмосфера действует до и помимо рефлексии.

Также необходимо провести разграничение со смежным понятием «настроение», которое отмечает длительное эмоциональное состояние (тоска, апатия, приподнятость). Настроение может продолжаться часами и днями. Оно не привязано жестко к месту и событию (в плохом настроении можно быть где угодно). Что касается атмосферы, то она будет, напротив, привязана к месту и ситуации. После исчезновения стимула атмосфера исчезает.

Еще одно понятие, которое следует противопоставить понятию атмосфера, – коллективное представление. Коллективное представление – это разделяемое знание или вера, символический порядок: мифы, нормы, идеи (Дюркгейм, 2018). Коллективное представление транслируется на нарративном уровне через инструменты пропаганды и информации. Атмосфера же является телесно-аффективной тональностью. Так, можно знать историческую канву празднования Дня народного единства, но при этом не испытывать чувств.

Наконец, говоря об аффекте, мы понимаем его как напряжение, интенсивный эмоциональный выброс (Массуми, 2017). А атмосфера, скорее, – делящаяся тональность, подобная полю, в котором аффекты могут возникать и гаснуть. Более того, атмосфера организует аффекты. Так, в атмосфере сакральной скорби Дня Победы аффекты горя и гордости не хаотичны, а распределены во времени (минута молчания предполагает пик скорби, а марш Бессмертного полка – сопричастности).

Таким образом, праздничная атмосфера – это целостное, до-рефлексивное, ситуативно привязанное качество переживания, возникающее при резонансе нарративного, ритуального и пространственно-временного уровней праздника. Атмосфера возникает, когда нарратив (смыслы, ценности, «правильные» чувства) резонирует с ритуалом (телесные практики, их синхронизация), ритуал – с пространством и временем (календарь, места, маршруты). Она не сводима к эмоциям, настроениям, коллективным представлениям или отдельным аффектам, но организует и направляет их.

Ее отсутствие или слабость сигнализируют о разрыве между уровнями модели – остается либо формальное мероприятие, либо просто выходной день. Именно атмосфера делает День Победы «торжественно-скорбным», а Новый год – «волшебным и предвкушающим».

3. Аффективные профили государственных праздников современной России

В данном исследовании мы используем понятие «праздничная атмосфера» как операциональное понятие, связывающее уровни праздничной культуры с процессами индивидуальных переживаний участников праздничных событий.

День Победы представляет собой наиболее эмоционально насыщенный государственный праздник современной России, в котором проявляется высокая плотность коллективных переживаний. Его аффективная структура складывается из сочетания нескольких разнонаправленных эмоциональных режимов, объединенных общей рамкой нарратива преодоления смерти, где память о войне соединяет индивидуальные и коллективные уровни переживания. На уровне смысловой рамки ключевыми оказываются скорбь, связанная с опытом утраты, памятью, и гордость – социально направленное чувство, обеспечивающее идентификацию с коллективом. В результате формируется устойчивая аффективная структура, в которой трагическое и героическое взаимно усиливают друг друга. Существенную роль играет также сопричастность как форма аффективной включенности. Она возникает в ситуации соотнесения личной или семейной истории с коллективным

нарративом. «Замковым камнем» этой структуры выступает аффект преодоления смерти, возникающий на пересечении памяти и героизации, несводимый к конкретному эмоциональному переживанию.

Ритуальные практики Дня Победы – минута молчания, возложение цветов, военный парад и акция «Бессмертный полк» – переводят эту смысловую рамку в форму переживаемого опыта, превращая город в медиатор этих процессов. Мемориальные пространства, маршруты шествий, центральные площади образуют инфраструктуру, в которой эмоции концентрируются и становятся публично разделяемыми.

Атмосфера Дня Победы – сакральная скорбь, переходящая в триумф, – напряженная, «тяжелая», но при этом объединяющая. Она не сводится к отдельным эмоциям (гордости, скорби, сопричастности), а охватывает участника целиком, еще до того, как он осознает, что именно чувствует.

Иной тип аффективной организации демонстрирует **Новый год** – один из наиболее устойчивых и универсальных праздников в современной городской культуре. Его эмоциональная специфика определяется не обращением к прошлому, а устремленностью в будущее, что позволяет рассматривать его как форму коллективного переживания времени как возможности нового начала.

Аффективный профиль Нового года складывается из сочетания радости, ожидания и предвкушения, которые формируют особую темпоральную направленность переживаний в проекции на будущее – «ожидаемое обновление».

Ритуальные практики праздника направлены на синхронизацию времени и совместное переживание момента перехода. Коллективный отсчет времени перед наступлением полуночи, обряды поздравления, дарения, семейная или дружеская трапеза создают устойчивый сценарий участия, в котором индивидуальные ожидания синхронизируются с коллективным ритмом.

Атмосфера Нового года – предвкушение волшебства и карнавальная свобода. Она распределена по всему городу (не только на главной площади), поддерживается самыми разнообразными медиумами – светом, музыкой, запахами (мандарины, хвоя) и телесными практиками (походы за подарками, украшение елки). Аффективная организация Нового года не ограничивается моментом наступления праздника, а разворачивается в протяженной временной перспективе. Это редкий случай, когда праздничная атмосфера длится неделями, постепенно нарастая, достигая пика в момент боя курантов и затем медленно рассеиваясь в январских каникулах, в течение которых сохраняется особый «постпраздничный» режим повседневности.

В отличие от Дня Победы, новогодняя атмосфера не требует строгой синхронизации и единого центра; она диффузна, проникает в частные пространства и порождает множество локальных вариантов переживания.

Важную роль в формировании новогодней атмосферы играет элемент карнавальности, игровой инверсии норм, расширения допустимых норм поведения (перевоплощение детей и взрослых в сказочных персонажей, уподобление бизнес-процессов магическим практикам). При этом карнавальная свобода новогодних праздников носит «мягкий», бытовой или корпоративный характер и не связана с радикальным пересмотром социальных иерархий.

23 февраля и 8 марта демонстрируют иной тип аффективной организации: устойчивые культурные формы сочетаются здесь с относительно умеренной интенсивностью коллективных переживаний. Их аффективная структура строится вокруг признания и символического подтверждения гендерно маркированных ролей. Официальный нарратив, связанный с историческими датами, в настоящее время почти полностью вытеснен семейно-романтическим. Если в праздновании 23 февраля еще сохраняется нарратив защиты Родины и сопричастности к военной службе, то празднование 8 марта главным образом акцентируется на ценностях заботы, внимания и «канонизации» женственности.

Атмосфера этих праздников – «мягкая» инклюзия и бытовая признательность – устойчивый эмоциональный фон, встроенный в повседневность. Она не требует больших масштабов и высокой интенсивности ритуала, ограничиваясь «ритуальным минимумом», достаточным для поддержания социальных связей, но не для консолидации нации. Город почти не участвует в ее производстве; атмосфера создается микро-ритуалами в частных пространствах (офис, семья, магазин подарков). Ее ключевая характеристика – предсказуемость и легкость: она не травмирует, не перегружает и не запоминается надолго. При этом важно учитывать, что содержание этих праздников не является полностью фиксированным: в разных контекстах они могут приобретать дополнительные значения – от ироничного или игрового до критического, что свидетельствует о гибкости их аффективной структуры.

День России и День народного единства – праздники сравнительно недавнего происхождения, связанные с современной политической историей. Анализ позволяет говорить об относительно низкой устойчивости праздничной атмосферы и отсутствии единой аффективной конфигурации. Их смысловая рамка четко не определена и допускает различные интерпретации, что не может не сказаться на характере связанных с ними эмоций. Поскольку нарратив может быть воспринят вариативно, формирование единой аффективной конфигурации затруднено.

Ритуальные формы, как правило, воспроизводят стандартный набор официальных мероприятий: централизованные концерты, церемонии и символические акции, иницилируемые «сверху», обладающие слабой эмоциональной отдачей, поскольку участие в них часто носит преимущественно пассивный и эпизодический характер. Город в этих случаях функционирует преимущественно как инструмент визуальной демонстрации присутствия государства, но не как аффективный «резонатор».

Атмосфера этих праздников – «зрелищная пустота» или «декоративная торжественность». У них нет уникальных ритуалов и символов: флаги, салюты, концерты на центральных площадях способны собрать людей в одном месте, но не способны объединить их ни телесно, ни духовно. Это не означает, что данные праздники не могут обрести атмосферу в будущем. Изменение культурно-исторического контекста, резонирующего

с нарративом, изменение самого праздничного нарратива, появление новых ритуалов могут послужить импульсом для формирования праздничной атмосферы.

Особое место в государственном праздничном календаре занимает **1 Мая**, праздник Весны и Труда. Изначальный праздничный нарратив солидарности и борьбы за свободу трудящихся утратил актуальность в современном политическом контексте. В результате произошло расщепление праздничной традиции на каждом из трех уровней на бинарные оппозиции.

Если в советский период весна и коллективный труд составляли в праздничном нарративе прочную диаду (и в смысловом, и в эмоциональном плане), то в постсоветском изводе праздничной традиции весна фактически противопоставляется коллективному труду как возможность отдохнуть на природе с наступлением «первого тепла». Выходные дни, приуроченные к Первомайским праздникам, усиливают этот разрыв.

Ритуальные практики также двойственны. С одной стороны, продолжают воспроизводиться элементы официального сценария, апеллирующего к ценностям труда (демонстрации, концерты, фильмы соответствующей тематики). С другой – усиливается восприятие праздника как дополнительного выходного дня, связанного с отдыхом и неформальными активностями, – выездами за город, пикниками, прогулками.

Значительная часть **праздничной атмосферы** формируется в частных и полупубличных пространствах – парки, дачные участки, зоны отдыха, где аффективная динамика определяется не столько символическим содержанием праздника, сколько ситуацией совместного времяпрепровождения. Городская среда при этом отходит на второй план.

1 Мая – пример трансформации праздничной атмосферы под давлением культурно-исторического контекста, где символическая структура утрачивает свою организующую роль и уступает место множеству конкурирующих форм эмоционального переживания.

Таким образом, мы видим, что современный город функционирует как сложная аффективная архитектура, где праздничная культура выполняет несколько ключевых функций: производит эмоции через ритуал, телесность; усиливает эмоции через визуальность и материальность среды; распределяет эмоции через маршруты и пространства; закрепляет эмоции через нарративы, памятные места, традиции; управляет эмоциями через организацию мероприятий и городскую символическую политику; создает (или не создает) целостную праздничную атмосферу – как интегральный эффект успешного взаимодействия всех трех уровней (Береснев, Береснева, 2025).

Введение понятия праздничной атмосферы позволяет связать объективные параметры трехуровневой модели (нарратив, ритуал, хронотоп) с субъективным, телесно-эмоциональным опытом горожан.

Атмосфера становится диагностическим критерием успешности праздника: если она ощущается как реальная (даже если ее трудно описать словами), праздник «работает»; если атмосфера отсутствует или воспринимается как искусственная – праздник остается формальным, несмотря на все усилия организаторов.

Атмосфера – это результирующее качество праздника, возникающее только тогда, когда все три уровня действуют согласованно и резонируют друг с другом. Ее анализ открывает новые возможности для диагностики «сильных» и «слабых» праздничных традиций, а также для проектирования городских событий, способных генерировать подлинные коллективные переживания.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, праздник может рассматриваться как особая аффективная система, обеспечивающая производство и воспроизводство коллективных эмоций.

Во-вторых, введено понятие праздничной атмосферы как интегрального качества праздничного опыта, возникающего в результате взаимодействия нарративного, ритуального и пространственно-временного уровней праздника.

В-третьих, показано, что городская среда выступает не фоном праздничных мероприятий, а активным участником формирования коллективных переживаний.

В-четвертых, анализ современных государственных праздников России позволил выявить различные модели аффективной организации праздничной культуры – от высокоинтенсивных форм коллективного переживания до праздников со слабой степенью эмоциональной консолидации.

В-пятых, показано, что трехуровневая модель праздника обладает эвристическим потенциалом для исследования коллективных эмоций, поскольку позволяет описывать механизмы возникновения праздничной атмосферы через взаимодействие нарративного, ритуального и пространственно-временного уровней.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методов эмпирической диагностики праздничной атмосферы, сравнительным анализом региональных праздничных практик и изучением механизмов проектирования городских событий как инструментов формирования коллективной идентичности.

Источники | References

1. Андерсен Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001.
2. Береснев В. Д., Береснева Н. И. Праздник как система: опыт построения трехуровневой модели // Культурный код. 2025. № 3. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2025-3-9-22>

3. Беме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики // METAMODERN. 2018. <https://metamodernism.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/>
4. Ванченко Т. П. Трансформация мышления в празднике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6.
5. Гирц К. Интерпретация культур: избранные эссе / пер. с англ. и послесл. В. В. Маркова. М.: РОССПЭН, 2004.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / пер. с фр. А. Аполлонов, Т. Котельникова. М.: Дело, 2018. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-122-154>
7. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М.: Strelka Press, 2015.
8. Массуми Б. Автономия аффекта // Логос. 2017. № 3.
9. Тернер В. Символ и ритуал / пер. с англ. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
10. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр. М.: Академический проект, 1994.
11. Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh: Edinburgh University Press; Routledge, 2014.
12. Berlant L. Cruel Optimism. Duke UP, 2011. <https://doi.org/10.1215/9780822394716>
13. Brennan T. The Transmission of Affect. N. Y.: Cornell University Press, 2004.
14. Pallasmaa J. An Architecture of the Seven Senses // Architecture and urbanism: Questions of Perception / ed. S. Holl, J. Pallasmaa, A. Perez-Gomez. Tokyo: a+u Publishing Co., Ltd., 1994.

Информация об авторах | Author information

Береснев Владимир Дмитриевич¹

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет

Vladimir Dmitrievich Beresnev¹

¹ Perm State National Research University

¹ vensereb@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.06.2026; опубликовано online (published online): 28.07.2026.

Ключевые слова (keywords): философия культуры; модель праздника; атмосфера праздника; городская среда; philosophy of culture; holiday model; festive atmosphere; urban environment.